

ОДНАЖДЫ В «ОРЛОВСКОЙ ПРАВДЕ»

Однажды в «Орловской правде» появился новый сотрудник. Это был я. Как это случилось?

Первые десять лет моей жизни в Орле после пединститута я провел в «Орловском комсомольце» (1954—1964 гг.), куда был приглашен Иваном Ивановичем Бахметьевым. Много ездил по Орловщине, изобретал рубрики («Комсомольский Ежик», «Орленок» и другие), получал благодарности и взыскания. Чувствовал, что пора расставаться с молодежной газетой.

Ускорила мой уход встреча с читателями. Я выступал, с увлечением говорил о своей газете...

— Какие газеты интересные? — спросили из зала.

— Разумеется, «Орловский комсомолец», — поспешно ответил я.

Сразу же после встречи представитель «Орловской правды» подошел ко мне и строго заметил:

— Товарищ Катанов! Кто вам дал право оценивать областную партийную газету? Я доложу редактору.

После этого мне не спалось. Дело в том, что меня уже «стригли» за критику обкома партии на собрании литобъединения. Я был вызван тогда к секретарю обкома по пропаганде М.Е. Дзюбе, и тот с первых же слов прикрикнул: «Надо выселить его из Орла!»

Выселить не выселили, а на партийном собрании обсудили.

Что-то будет теперь?

Через день я встретился на Ленинской с Иваном Михайловичем Патенковым — редактором «Орловской правды». Поздоровались. Замер я в ожидании. И вдруг услышал:

— Василий! Не пора ли тебе переходить к нам на работу?

— Иван Михайлович! — радостно воскликнул я. — Да я за вами куда угодно...

— Отлично! Увольняйся и приходи.

Патенков был из тех редкостных людей, которым нет цены.

Это он помог мне получить освобожденную квартиру, хотя и не был еще моим редактором. Он поддерживал каждое творческое начинание в Орле. Пригласил Петра Проскурина и Дмитрия Блынского в Орел. Убедил заехавшего в наш город Владимира Мильчакова остаться здесь. Многие сделал для становления Орловской писательской организации.

Он и сам был талантливым прозаиком. Его пьеса «Пламя во мгле» успешно шла в театре.

А как он ярко, артистично читал наизусть Есенина!

Перед первым рабочим днем в «Орловской правде» я не спал. Крылья росли от мысли, что под началом нового редактора можно горы свернуть.

Ведь он в юности много раз беседовал со своим односельчанином Иваном Вольновым, слушал его рассказы о встречах с Лениным, Горьким и другими знаменитыми людьми. Потом узнал, что, работая на Дону, Иван Михайлович встречался с М.А. Шолоховым...

В пору моей работы при Патенкове были два смотра художественной самодеятельности: в Воронеже и Ростове.

На оба смотра редактор послал не работников отдела культуры, а меня, молодого литератора из отдела писем.

Мне поручил передовую статью о культуре.

Мне — рецензию о кинофильме «Председатель».

Он был человек смелых, неожиданных решений.

Однажды руководители спорта прислали грозное письмо против автора статей о шахматных соревнованиях.

Автор был приглашен на редакцию.

Грозное письмо прочли до конца.

Совсем автор поник головой.

И вдруг Иван Михайлович вызвал Машу Ефремову, секретаршу:

— Диктую приказ.
И объявил внештатному автору благодарность за сотрудничество в «Орловской правде».

Тот удивленно и радостно вскинул голову.

Ах, как же наш бесценный редактор умел выслушивать людей!

Талантливый журналист В.Г. Высокосов, человек с живым, горячим сердцем, заблудился в семейных делах. Дошло до того, что его после одной семейной ссоры забрали в милицию, приготовились судить, даже поспешили одеть в фуфайку и остричь наголо.

Таким он, бывший работник сектора печати обкома КПСС, и предстал в зале суда. Умный судья разобрался во всем и вынес оправдательный приговор.

Зал ответил аплодисментами. Пришел журналист домой, задумался о будущем своем. И вдруг звонок телефона.

— Ну, что сидишь? — раздался голос Патенкова. — Иди к нам, приглашаю тебя в «Орловскую правду» работать.

И работал Виктор Германович, отдавал всю душу журналистскому делу. Особенно любил писать о людях ратного подвига, о мужественных и добрых.

Рбота в «Орловской правде» для меня оказалась исключительно богатой на хороших людей.

Вполне оправдывал свою фамилию А.Н. Хорошилов, которого я ни разу не видел сердитым. Чувство вечной благодарности оставил в душе Николай Дмитриевич Сафроненков. Это он сумел разрешить тяжелейший вопрос моей жизни в Орле — квартирный. С его помощью я перебрался с улицы Силикатной на Комсомольскую.

Сама редакция в ту пору размещалась на пятом этаже Дома Советов. В одной комнате со мной, за столом напротив, сидела Ираида Васильевна Федоренко. Ее муж Петр Васильевич Николаев, известный орловский поэт, автор сборника стихов «Пою мой край», был мне знаком по ли-

тературным встречам со студенческих времен. Супруги вспоминали Орел довоенный. А Петр Васильевич даже рассказал как-то о своей тете, которая в Монастырке держала корову и носила молоко великому князю Михаилу Романову, брату царя, командиру гусарского полка...

Больше всего было разговоров о войне. П.В. Николаев, и Н.Д. Сафроненков, и А.Н. Хорошилов, и А.Н. Яновский, заведующий отделом культуры, и М.Т. Орлов, заведующий партийным отделом, были полны воспоминаний о фронтовом прошлом.

Я работал сначала в отделе писем, а после неожиданной смерти И.М. Патенкова, при новом редакторе С.В. Коробкове, был переведен собкором в партийный отдел.

На партийные собрания приходил Евгений Константинович Горбов — известный писатель, уважаемый всеми в Орле. Раздевался в моем шкафу, подсаживался к столу, расспрашивал, какие новости в редакции, где он работал с военной поры, когда «Орловская правда» временно оказалась в его родном Ельце.

Однажды подал мне толстую тетрадь, и я зачитался его новой повестью.

Отрывок дали в газете.

Евгений Константинович пришел, обратил мое внимание на свои новые блестящие туфли:

— Купил на гонорар.

— Давайте дадим следующий отрывок.

Он согласился.

В следующем отрывке шла речь о Ельце прифронтовом, о жизни журналиста, тоскливое одиночество которого скрашивал кот.

Поскольку у кота ничего героического не обнаружили, отрывок не пошел в печать...

На собраниях Горбов не любил выступать. Но если брал слово, то речь его, помню, не переставала удивлять лаконичностью, глубиной мысли, логической завершенностью и полным отсутствием иностранных

терминов, которыми ныне так любят щеголять и чиновники, и литераторы, дабы казаться умнее всех...

Редакция из Дома Советов в 1973 году переехала в Дом печати. Меня избрали секретарем партийной организации. В кабинете напротив сидел Валерий Павлович Просеков, милейший и добрейший человек, ранее работавший, как и С.В. Коробков, Н.Д. Сафроненков, Е.А. Зиборов и другие, в «Орловском комсомольце»...

В 1965 году в заметке Просекова о выборах прошли фамилии, неточно названные... В обкоме устроили разнос редактору И.М. Патенкову. Бедный Иван Михайлович подписал номер с грозной публикацией о себе, схватился за сердце и слег. Из больницы не вышел. Хоронил его весь город. Со мною рядом шел В.Г. Высокосов и рассказывал свою историю.

Я вспоминал свое.

Вспоминал, как предложил Ивану Михайловичу выпускать страницу «Родимый край». Он собрал тут же редколлегия.

— Мы с Василием Михайловичем решили...

Наверное, мое предложение не прошло бы. Но «мы» — уже сила.

«Родимый край» учителя истории вырезали и использовали на уроках.

После И.М. Патенкова этой краеведческой страницы не стало.

Обком надавил на редактора. Пришлось закрыть.

Забавная причина. В центральной «Правде» некий Синельников дал обзор. В том обзоре подверг резкой критике стихотворение Евгения Зиборова из «Родимого края».

Зиборов рассказывал, что все началось с крупного разговора, который он имел в Москве с вышеназванным журналистом.

Василий КАТАНОВ.

(Окончание в следующем номере.)